Слухи о конце многовекторности сильно преувеличены

Евгений Прейгерман

Резюме

Недавнее интервью одного из самых ярких российских экспертов-международников Федора Лукьянова интернет-изданию «Евразия.Эксперт» привлекло достаточно большое внимание. Интервью было посвящено нескольким темам, но в его заглавие редакция вынесла тезис Лукьянова о том, что «многовекторность на постсоветском пространстве уходит в прошлое». Это любопытный тезис. Еще более интересна аргументация в его поддержку, которая затрагивает и лежащие на поверхности, и менее очевидные темы из теории и практики международных отношений.

Содержание

1 Аргументация и противоречия
2 Что такое многовекторность?
3 Почему страны стремятся к многовекторности?

При этом не менее примечательно, что конец многовекторности сам Федор Лукьянов и некоторые его коллеги объявляют уже не в первый раз. В 2014 году Лукьянов писал об этом в статье, которая так и называлась – «Конец многовекторности». А еще раньше, в 2008 году, в журнале «Россия в глобальной политике», главным редактором которого Федор Лукьянов и является, о смерти многовекторности объявил другой автор – Алексей Власов (в статье с точно таким же названием).

Аргументация и противоречия

Во всех названных публикациях, между которыми более 10 лет, красной нитью проходит мысль о том, что на постсоветском пространстве исчезают международные условия для многовекторности. В недавнем интервью Лукьянов приходит к выводу, что *«возможности маневрировать, варьировать свою политику и пытаться играть на противоречиях внешних патронов сократились,*

потому что изменились позиции «больших игроков». Соответственно, многовекторность *«уходит, потому что нет возможностей, нет объектов, на которые она может быть направлена»*.

Каким же образом изменились позиции «больших игроков», что это привело к таким последствиям для «малых»?

По мнению Лукьянова версии 2019 года, *«приходит понимание того, что России не нужна монополия в соседних странах. России нужна гарантия того, что ее интересы будут учтены»*. А *«магнит с другой стороны»*, то есть ЕС, в силу внутренних причин уже тоже не может так сильно притягивать. Другими словами: России и ЕС больше неинтересно ввязываться в такую конкуренцию за постсоветские республики, которую последние раньше капитализировали в своих интересах с помощью многовекторности.

Интересно, что в 2014 году Федор Лукьянов приводил прямо противоположный аргумент, выдвигая все тот же тезис о конце многовекторности. Тогда он утверждал, что *«расстановка сил изменилась. Россия восстановила часть возможностей, Запад, напротив, утратил»*. И в итоге *«борьба внешних сил приняла принципиальный характер»*, поэтому *«время, когда внешние патроны старательно делали вид, что они не являются соперниками, а это позволяло играть в «геополитический плюрализм», заканчивается»*. Отсюда следовало, что большинству стран придется выбирать, с кем быть.

Идентичный аргумент в 2008 году, сразу после грузино-российской войны, предлагал и Алексей Власов:

«В системе международных отношений начинается новая фаза «поляризации» [...] В случае дальнейшего ухудшения российско-американских отношений, реализации гипотетической возможности введения санкций против РФ и общего роста напряженности по линии Россия-Запад курс многовекторной дипломатии большинства постсоветских лидеров столкнется с серьезными вызовами».

Таким образом, к одному и тому же выводу о «конце многовекторности» в разные годы авторы приходили, опираясь на взаимоисключающую логику. Вначале говорилось, что многовекторность уничтожит усиливающаяся геополитическая конкуренция между Россией и Западом на постсоветском пространстве, а потом – что это сделает притупляющаяся конкуренция. Это очевидное противоречие в аргументации. И с научной точки зрения, оно задает важный исследовательский вопрос, которому ученым следовало бы уделить более пристальное внимание. В

каких условиях повышается внешнеполитическая маневренность небольших государств: при снижении или при повышении конфронтационности между «большими»?

Но еще более интересным это противоречие является по другой причине. В его основе лежит не столько логическая, сколько методологическая ошибка, которую при анализе явления многовекторности Федор Лукьянов совершает и в 2014, и в 2019 годах. Заключается она в неверном определении источника многовекторности.

Что такое многовекторность?

Прежде, чем развить эту мысль, зададимся главным вопросом: а что мы вообще понимаем под многовекторностью? Ни интервью, ни названные статьи не являются академическими. Наверное, поэтому авторы не дают в них четкого определения того, что они вкладывают в этот термин. Правда, в интервью Лукьянов вскользь предлагает разделять понятия многовекторности «как желание использовать все возможности» и как «жизненное кредо». Под последним, судя по всему, понимается стремление играть на противоречиях «больших игроков».

В целом термин «многовекторность» настолько часто используется, что его значение может казаться самоочевидным. Но это только на первый взгляд.

На уровне политической декларации идея многовекторности действительно понятна. Она заключается в том, что государство стремится не замыкаться на каком-то одном векторе (партнере) и развивает отношения с максимальным количеством партнеров. По крайней мере, теми странами, которые в силу географии, истории, культуры, экономики или каких-то других факторов представляют практический интерес.

Однако если попытаться выйти за рамки абстрактной политической декларации, то как концептуально детализировать эту идею? Какими измеряемыми характеристиками должна обладать внешняя политика государства, чтобы соответствовать определению многовекторной? Вот тут и начинаются сложности, которые хорошо видны на примере Беларуси.

Первые индикаторы, которые приходят на ум при разговоре о многовекторности, это внешняя торговля и участие в международных организациях.

Таблица 1. Экспорт товаров по отдельным странам (в процентах к общему объему экспорта). *Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.*

Страна	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
РФ	50,64	35,77	39,37	42,08	39	46,51	44,07
Германия	3,16	4,43	1,82	4,58	4,07	4,01	3,82
Великобритания	1,31	7,01	3,70	8,12	11,03	4,59	8,20
Польша	3,78	5,30	3,50	2,34	2,87	3,46	3,70
Литва	4,76	2,20	1,78	2,88	3,62	3,26	2,90
Латвия	6,38	2,02	3,68	1,39	2,24	1,15	1,20
Нидерланды	1,78	15,07	11,25	4,74	4,31	3,94	3,79
Украина	7,64	5,68	10,13	11,26	9,43	12,09	11,50
КНР	1,86	2,70	1,88	1,77	2,93	2,01	1,24
США	1,32	1,57	0,29	0,33	0,46	0,55	0,77

Таблица 1 показывает динамику объемов товарного экспорта Беларуси в страны-основные партнеры в отдельные годы в период с 2000 по 2017 годы. Как видим, доля России в течение 17 лет изменялась, но оставалась абсолютно доминирующей. В 2017 году по сравнению с 2000 годом она снизилась лишь на 6,57%. Рисунки 1 и 2 фиксируют то же доминирование России в товарном экспорте и импорте Беларуси по итогам 2017 года.

Рис. 1. Экспорт товаров по странам-основным торговым партнерам, 2017 год. *Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.*

Рис. 2. Импорт товаров по странам-основным торговым партнерам, 2017 год.
Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Таблица 2 показывает международные организации и интеграционные проекты с условной геополитической окраской, в которых участвовала и/или участвует Беларусь. Объединения на постсоветском пространстве с участием России противопоставляются европейским объединениям, в которых России нет.

Таблица 2. Международные организации и инициативы, в которых участвовала и/или участвует Беларусь

Организации на постсоветском пространстве с участием России	Европейские организации, в которых Россия не участвует
Содружество Независимых Государств	Центрально-Европейская Инициатива
Союзное государство Беларуси и России	«Восточное партнерство» ЕС
Организация Договора о коллективной безопасности	
ЕврАзЭС (прекратило существование)	
Евразийский экономический союз	

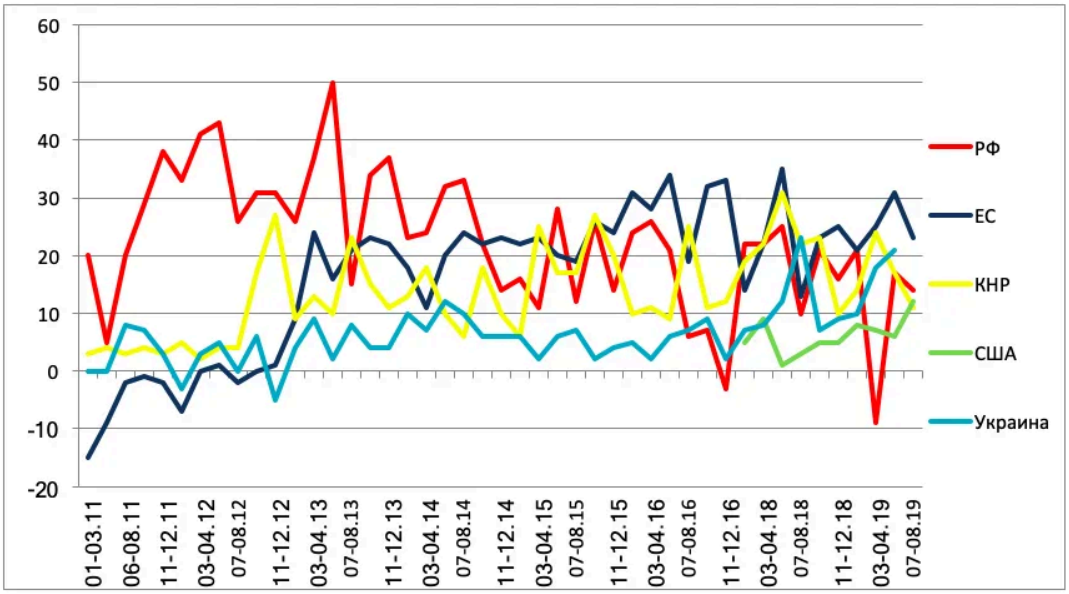
Очевидно, что и по количеству, и (главное) по качеству эти две группы организаций сложно сопоставимы. Уровень и серьезность интеграции в рамках организаций на постсоветском пространстве, в которых участвует (и даже доминирует) Москва несравнимо выше, чем в европейских организациях. При этом Беларусь вполне можно назвать активным членом ЦЕИ и «Восточного партнерства», также она стремится развивать отношения и с другими европейскими и даже трансатлантическими организациями. Но есть факт: почти 30 лет после возникновения суверенного государства уровень институциональной интегрированности Беларуси в организации на постсоветском пространстве многократно выше.

То же самое и с внешней торговлей: да, она развивается с различными странами (когда-то лучше, а когда-то хуже), но сохраняющееся доминирование российского вектора налицо. Мы видим все более решительные действия, направленные на внешнеторговую диверсификацию, но это пока не отменяет факт существенного доминирования России.

Так можно ли на основании таких индикаторов говорить о внешнеполитической многовекторности Беларуси? Кто-то скажет, что можно, так как есть официально зафиксированное стремление Минска диверсифицировать внешнюю политику и торговлю. А кто-то возразит: мол, намерения – это хорошо, но главное результат.

Если к этим индикаторам (институциональная принадлежность и внешняя торговля) прибавить еще один, то вопрос становится просто «неподъемным». График 1 показывает динамику отношений Минска по основным внешнеполитическим векторам. Данные взяты и объединены из Белорусского внешнеполитического индекса (издавался BISSв 2011-2016 годах) и «Минского барометра» (издается Советом по международным отношениям «Минский диалог» с 2018 года). Оба мониторинговых исследования используют методологию ивент-анализа и демонстрируют интенсивность и характер (позитивный-негативный) отношений в отдельно взятые периоды.

График 1. Динамика отношений Беларуси с основными внешнеполитическими партнерами.

Эти данные, если рассматривать их отдельно, пожалуй, точно позволяют сделать вывод о том, что внешняя политика Беларуси в последние годы стала по-настоящему многовекторной. Но как они сочетаются с предыдущими

индикаторами торговли и институционального участия, которые ставят под сомнение такой вывод? Какие из критериев важнее для определения, является ли внешняя политика многовекторной?

Если важны все, то из-за отсутствия концептуальной строгости каждый имеет возможность трактовать эмпирические данные так, как хочет. Соответственно, и о конце многовекторности можно говорить при любых раскладах, если концептуальная расплывчатость позволяет интерпретировать данные, как кому угодно.

Можно, разумеется, исходить из того, что раньше белорусская внешняя политика по факту не была многовекторной, хотя декларировалась таковой практически с момента обретения независимости. Отсюда, кто-то скажет, и наследие в виде несбалансированной внешней торговли и преимущественного участия в международных организациях на постсоветском пространстве. А теперь, добавят, Минск старается выправить дисбалансы. Но тогда возникает другой вопрос: где та точка, после которой мы должны прийти к выводу, что многовекторность достигнута не только на уровне намерений, но и по совокупности достижений? Более того, а насколько вообще уместно связывать многовекторность со сбалансированностью?

Почему страны стремятся к многовекторности?

Все это напоминает концептуальную неопределенность с другим часто используемым понятием – балансирование. В обиходном употреблении балансирование подразумевает, что какое-то государство маневрирует между интересами других (как правило, более мощных) государств или даже играет на их противоречиях. То есть по идее это значит, что между большими государствами должны существовать четко идентифицируемые противоречия, на которых меньшие страны могут играть. И тогда, если пользоваться терминологией Федора Лукьянова, многовекторность становится «жизненным кредо».

Однако в том-то и проблема, что интересы «больших» многогранны, а противоречия между ними далеко не всегда постоянны и легко операционализируемы. Изменения международного контекста неизбежно сказываются на текущих интересах всех государств, в том числе супердержав и региональных гегемонов. Где-то интересы становятся более антагонистичными, где-то, наоборот, сближаются, а где-то теряют актуальность. К слову, на это же

обращает внимание и сам Лукьянов: *«Мир и Евразия развиваются, так что не исключено, что после новых коллизий верх возьмут общие интеграционные тенденции»*.

Поэтому внешнеполитическая стратегия меньших государств по определению не может заключаться только в балансировании между интересами других, так как эти интересы изменчивы, а их соотношение в перспективе непредсказуемо. Иными словами, игра на противоречиях может быть лишь одним из тактических элементов внешней политики, но не может быть «жизненным кредо».

Более того, неизбежная адаптивность интересов и противоречий больших государств к внешним условиям является серьезной проблемой и вызовом для меньших государств, так как делает поведение «больших» менее прогнозируемым и, соответственно, повышает неопределенность и множественные риски. И именно это – неопределенность и риски – является основной характеристикой среды обитания малых постсоветских государств. В таких условиях игра на противоречиях других как «жизненное кредо» просто не имеет смысла, так как она еще больше увеличивала бы непредсказуемость и риски (и потому иррациональна).

Но ровно по этой же причине – потребности снижать и контролировать риски – для небольших государств и важна многовекторность!

Однако многовекторность как стремление не замыкаться полностью на каком-то одном партнере, а развивать отношения с наибольшим количеством партнеров. Как возможность сохранять максимально широкую вариативность действий во внешней политике. И когда-то это действительно подразумевает необходимость маневрировать между конфликтными интересами и противоречиями «больших». Когда-то – играть на их совместимости. А когда-то – вообще не обращать на них внимания.

В этом и заключается методологическая ошибка тех, кто уже не первый год предсказывает смерть многовекторности на постсоветском пространстве.

> Источником многовекторности являются не отношения между «большими», а собственные интересы «малых».

Государства на постсоветском пространстве выбирают многовекторную модель внешней политики не из-за того, как складываются отношения между Россией и Западом или Россией и Китаем. А потому, что все другие модели (в частности,

модель внешнеполитического примыкания к России) в меньшей степени соответствуют их потребности минимизировать собственные риски.

Именно поэтому и в случае нарастания напряженности между «большими игроками», и в случае ее разрядки «малые» будут продолжать придерживаться принципа многовекторности. При этом, разумеется, поле для маневра и внешнеполитическая стилистика этих стран сильно зависят от геополитического контекста и будут подстраиваться под общие условия здесь и сейчас. Но при любых изменениях контекста результат для многовекторности оказывается прямо противоположным тому, что прогнозирует Федор Лукьянов: многовекторность не только не заканчивается, но и неизбежно приобретает новые формы.

И сам же Лукьянов объясняет, почему именно так происходит:

«Страны не хотят быть связанными по рукам и ногам, с ориентацией только на одну группу партнеров. В современном взаимозависимом мире необходимо иметь возможность именно что многовекторно строить отношения. Это, естественно, касается и всех партнеров, соседей России».

Публикация подготовлена при поддержке белорусского офиса Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия). Ее содержание отражает исключительно мнение автора.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»